

На рассвете в блиндаж командира явился боец Тихонов, только что вернувшийся из разведки. Широкоплечий, чуть сутулый, с усталым лицом и кроткими глазами, Тихонов виновато теребил у себя на груди мокрый грязный ватник и глухо говорил:

— Не получается у меня, товарищ командир, с «языком». Подход потерял. Уж я, знаете, и ватничком приклад обернул, чтоб поаккуратнее вышло. А вот как нагнулся к часовому, так оказалось — каска у него вместе с башкой в плечи въехала. Рука тяжёлая стала. Как вспомню ту девочку, так вот — конец, заходится душа. Ну, вот и пришлось забраковать.

И Тихонов сокрушённо развёл своими большими руками.

— Подождите, — сердито перебил его командир. — Вам же было задание «языка» добыть. А вы тут о девочке какой-то...

Тихонов переступил с ноги на ногу и сипло объяснил:

— Я же вам уже докладывал. Она совсем дитё, а они надругались до смерти. Она ещё дышала, когда я в сарай зашёл.

И вдруг, выпрямившись, Тихонов решительно заявил:

— Так что, товарищ командир, для добычи «языка» я человек испорченный. Как увижу немца, хочу себя в руки взять, осторожнее как-нибудь обойтись. Не выходит. Второй мне сегодня на рассвете попался. И, кажется, ничего себе, упитанный. На ощупь, видать, из оберов. Сцапал я его тихо, подержал только для того, чтобы шуму не поднял. И пока оглянулся по

сторонам, не нарушил ли спокойствие, разжал руки... А он уже никуда не годится.

— Значит, не выполнили задание?

Тихонов вытянулся, насколько позволяла ему низкая бревенчатая кровля блиндажа, тяжело задышал и снова скорбно произнёс:

— Товарищ командир, да что же я могу сделать? Наклонился я к ней, к малютке. Думаю, унесу её, может, ещё выживет. А она, деточка, думала, что я тоже... Вцепилась в мою руку зубками, да так и отошла, пока я её, значит, нёс.

Задохнувшись, Тихонов не мог продолжать. Со стен блиндажа мерно капала вода.

— Ну что ж, идите, — сказал командир.

Тихонов поколебался, потом, неловко повернувшись в узком проходе, вышел. Но через минуту он снова появился.

— Товарищ командир, — сказал он извиняющимся голосом, — я вам забыл доложить. Одного я принёс всё-таки.

— Ну, где же он? Ведите сюда, — обрадовался командир.

Тихонов потупился, потом нерешительно произнёс:

— Он сейчас у доктора находится. Я его прямо к нему доставил. Если очнётся, вполне сойдёт.

Командир сел на нары и, пристально глядя на разведчика, спросил:

— Ну что же мне теперь с вами делать, товарищ Тихонов? Придётся вас снова в стрелковую роту отправить.

Лицо Тихонова расплылось в широкую добродушную улыбку. Сделав шаг к командиру, он с воодушевлением заявил:

— Правильное решение будет, товарищ командир. Там я успокоюсь маленько, — и тихо добавил: — И если я какому гаду лишнюю шишку набью, меня за это никто винить не станет. Там развернуться человеку есть где. Потом, если прикажете, снова в разведку вернусь. А сейчас не могу. Не будет у меня аккуратности в работе. Сердце горит... — и Тихонов затеребил у себя на груди ватник, которым он так предусмотрительно сегодня обвёртывал приклад винтовки. — Разрешите идти? — спросил Тихонов.

— Идите, — сказал командир и, взяв телефонную трубку, стал вызывать санбат в надежде на то, что «язык», доставленный Тихоновым, ещё на что-нибудь сойдётся.